

Пётр Разумов

КАНАТ

Free Poetry

2019

Петр Разумов, Канат.

Поэтическая серия Free Poetry,
2019.– 114с.

издательство free poetry ЧБ–СПб

макет и. улангин

отпечатано в чебоксарах в апреле 2019 г.

тираж не менее пятидесяти экземпляров

памяти «Заложника»

Пётр Разумов

КАНАТ

Некоторые историки склонны считать, что это образное выражение является следствием неверного перевода. Так, по одной из версий, в действительности под «верблюдом» мог подразумеваться «канат».

Википедия

Александр Житенёв / И хвост поднимает зрачок-кенгуру

Чтение этой книги – приключение; она обескураживает своей неожиданностью, странностью и свободой. Движение слов в ней событийно, и это событие захватывает, перемещая из известного в неизвестное. Слово здесь инструментально и, следовательно, может быть любым – наивным, случайным, неточным. Его эффект – в работе, в прояснении координат смещенного бытия: «Что нами движет и где мы есть? / Вопрос вопросов, / Жизнь – жель!»

Если новые стихи могут создаваться новой темой, то это именно такой случай. Эта тема – утрата способности распоряжаться своими возможностями, творческими и экзистенциальными: «Да что-то нету вдохновенья. / Простое это не отстой. / Его еще сварить попробуй». Книга выстраивается вокруг нескольких несформулированных вопросов, важнейший из которых – о том, как жить в мире без страсти, если она всегда казалась мерой подлинности.

«Где моя страсть? Где мой порок?» Амур, растравив душу, «стрельнул-плюнул и исчез», «соприкоснуться с настоящим / не может тело, дух дурной». Всё вокруг уменьшилось в масштабах, «скукожилось», стало следом самого себя: «крупинкой», «свербинкой», «золотинкой» – и прежде всего – собственное «я»: «Я маленький / Раньше думал – большой». Смена масштабов учит смирению: «Я буду просто жить, немудро», «Я дурачок и пишу дураком».

П. Разумов автопародиен, но из насмешки над претенциозностью «правильного» слова возникают новая форма и новая интонация – самоуглублённая, ироническая, лирически-горестная – пусть «всё нескладно», и, кажется, все строки «неуклюжи» – «Ври побольше и вздыхай!» Это свободное письмо, направляемое живым любопытством к чуждому и странному миру: «Мне всё интересно, как какому-то Басё / Где у мира дырочка и куда делось оно, Это всё».

Отчасти это интерес «изобретателя», призванного уравновесить утрату созданием невозможного эквивалента: «Человек был изобретен для того, / Чтобы изобретать то, чего лишили его самого». И здесь не важно, что у других «другое отчаяние», что «хуже и Жёстче бывает». Реальность, с которой приходится иметь дело, безальтернативна, и единственно внятная цель – освоение этого «мира зла без зла», мира «непокоя», где «над крапивой» Звёздочка малая тужит».

«Непокой» – ёмкая формула для обозначения важнейшего смыслового узла этой книги, в котором чувство оказывается неопределимо В своём качестве: «Что там в зоне слепой? Не обида, не горе?» «Не тоска ли, не злоба?» Незнание создает важную для книги слитность онемения, бесчувственности и «соблазна расплюснуться, заплакать ненароком»: «Но ведь маята и обида – два самых ярких коварства / И больно, когда пустота разъедает субъект / Лекарства».

«Я не хочу и всё хочу» – в этом парадоксе Ещё один несформулированный вопрос книги – о том, как примирить противоречия между «маятой» и «обидой», «пустотой» и «срамом» бытия. В новой книге есть отсылка к другой – на первом листе стоит: «Памяти “Заложника”». Логика постскриптума заставляет увидеть внутренний смысл высказывания в обозначении разрывов: «Пьяны мы в молодости миром / Он нам открыт и мы открыты / Теперь не то».

В этом «не то» – несомненная попытка примирения с миром вопреки «скребущему внутри коготку» и желанию «проклясть, уйти во тьму». Примирения, поскольку в самом жесте отрицания заключена энергия воображения, связывающего явное и скрытое, чувственное и неосознаваемое: «Зачем на Неву в пухлом войлоке зреть средь весны, / Холодной как пальцы мороза, / Тревожной, как мох в перелеске, / На камне, что видит подземные сны – / Не надо, не стоит».

Возможно, с этим связана вынесенная в эпиграф библейская фраза о фантазмагоричности спасения, о спасении вопреки очевидности. Ведь очевидность книги – это испелённость, «сажа»: «ярость и боль, похмелье и сажа», «сажа и жажда в груди», «чад и сажа по сердцам». Координаты предшествующих книг поэта здесь почти не работают, всё «вывернуто» – и в «чувстве крови запасной», в «изнанке глаза» – попытка понять, как «умерев, снова родиться».

Израненность-разорванность – и субъекта, и мира вещей – сшивает «игла»: «Дни мои и свет / замешаны с иглой», «Меня вела по шву кривая / и мерная игла»,

и вот «на игле, где и места-то нет, / все чувства уселись и кажут привет». Осознание тела как «ткани» переозначивает «защитость», заставляя видеть в ней не преодоленную фрагментарность, а впервые обретенную закрытость: «И всё в себе хочу зашить / Дышать внутри свободных стёкол / Жить».

Эта свобода – прежде всего свобода от внутренней раздерганности и страха. Страх в книге – главный враг субъективности, именно он, «пришлец и плут неправый», превращает любую целостность в *membra disiecta*: «Он – травм покров и весть», «Где тень его была, / Там муза не живёт». Голос поэта «воркует» вопреки страху и «боли», которая может «звать» «в неясной пустоте», превращаться в «огонь, огонь внутри», в «зверика», который уходит, «посидев часок».

Превращенность – важная характеристика «непокою», и образцом здесь оказывается обратимость чувств – столь же саднящая, сколь и очевидная: «Почему хорошо, только если избыть / Все хорошее»; «Черное зло, / Которому везде хорошо / Берет за горло / И совсем не смешно». Но эта книга не об ожесточении, а о потребности прощать как возможности «быть одновременно там и здесь», видя в том, кто ранит, не только «горе, и сок коварства», но и «праздник».

Любовь-мания, увиденная с большого расстояния, кажется первособытием, создавшим личностную форму. Её исчезновение конструктивно – оно оставляет героя внеположным миру и чужим самому себе. Так потребность говорить об утраченном оказывается

и способом обладать им, и способом с ним расстаться:
«Он был беспощаден и нежен однажды / Он как девица
одет был важно / <...> / Я его помнил все дни и годы
/ Я все хотел от него свободы».

Тем интересней, что в книге стихи «памяти чувства»
уравновешены стихами о любви-филиа: «Я зверем
прокрадусь к тебе / И как волчок несмелый / Коснусь
тихонько головы / Волос травы помлелой». Такое при-
косновение важно, оно обозначает способ переживать
границу «я» и «не-я» не только как «жжение». Неосязе-
мость прикосновения – возможность увидеть мир
без себя: «Тронуть слегка ворох слов / Услышать что-
нибудь, / <...> / чего не знал».

Новая книга поэта родственна лишь предшествую-
щей: как и прежде, речь идёт об изживании усталости
вопреки себе, о постижении сюжетов своего бытия.
Но важны и отличия. Они – в подчеркнутом внимании
к вопросам без ответов, к ситуации длящегося нерав-
новесия: «Ну а пока по коготку, по косточке, стишку
/ Кладу в сундук, в рукав кладу / И дую на беду». «Лишь
несколько перьев» серебрятся в слове, но и этого доста-
точно, чтобы испытать потребность совпасть с ним.

Алексей Порвин / Насекомое малое нежности

В книге петербургского поэта Петра Разумова «Канат» стал ощутим выход на новый уровень авторской поэтики, где лирическое начало опирается на более тщательную по сравнению с предыдущими книгами работу с культурными кодами. Однако прямой контакт с авторским мифом не заявлен – его приходится собирать по крупицам, ориентируясь на вспышки боли и наслаждения, а собрав – разгадывать. Ключей для разгадки – более чем достаточно, например, вынесенная в эпиграф отсылка к библейскому выражению про верблюда и игольное ушко. Каждое стихотворение – это бесстрастная интроспекция, смысловые движения которой – это всполохи метаноического огня, разожжённого на узнаваемой почве русской поэзии. Сырьём для пламени, как может сперва показаться, служит сложная смесь смирения, самоумаления, страсти и отчаяния – которые легко прочитываются как интонационные векторы, вытягиваемые из бытия жилы и саднящие нити – и всё это на глазах читателя сплетается в канат. Однако другие очевидные характеристики, например, мастерски выстраиваемый автором баланс каждого стихотворения (да и всей книги в целом), обнаруживаемый при столкновении разнородных сил и начал – подталкивает читателя к расширению культурных контекстов, необходимых для полноценной интерпретации. Так, заявленная в первом тексте позиция «я маленький» может быть прочитана и как содержащая в себе отсылку к восточной мысли, в частности, к даосизму, к тому возвращению в статус эмбриона, в результате которого проблемы и задачи метафизического толка решаются естествен-

ным (в смысле соприродности) образом. Самоутешение, возникающее во многих текстах этой книги, зачастую основано именно на принятии той или иной травмы как проявления естественного порядка вещей; это отстранённое, холодное (и вполне уже буддистское) распознавание бытия как страдания. При чтении этой книги становятся очевидными и изменившееся самосознание, и самоощущение, трансформированное (в том числе культурным) опытом. Наверное, подчеркнуть произошедшие перемены в поэтике призван и ещё один эпиграф – фраза «памяти "Заложника"». «Заложник» – это книга Петра Разумова, вышедшая в 2006 году; смерть бывшего голоса равнозначна тому впечатляющему скачку, который совершен авторским сознанием за прошедшие 13 лет, но сделать остановку в построении этой фразы значило бы скатиться в банальность, поэтому необходимо продолжить: более зрелый и во многих смыслах обновленный авторский голос прирастает памятью о своих ушедших ипостасях.

Боль в поэтической речи Разумова – это необходимый концепт, она нередко олицетворяется и становится «звериком» или насекомым... Однако отношения Разумова с болью – особые. Так, «насекомое боли», возможно, отсылает нас к стихотворению Николая Кононова «Эта темень входит к нам с южнонемецким померанцевым...», в котором творится призыв к «пчёлам боли» подлететь поближе, чем манифестируется бесстрашие лирического «я», принимающего битву; у Разумова же олицетворенная боль – всего лишь предмет холодной констатации, фактор отчаяния, окрашивающего интонацию; боль включена в условное «описание природы» и является данностью. Более того, боль для

Разумова – это и объект, и фон одновременно. Насекомому боли Разумов противопоставляет «насекомое малое нежности» – за этим приёмом, который состоит в видовом уравнивании двух начал, можно увидеть поле смысловой борьбы, благодаря напряжённости которой обнажаются первоосновы поэтической речи. Однако нежность – не просто существо, но существо меньшего размера, и эта чисто математическая неравновесность сил – метод, которым автор пользуется и в других стихотворениях – не должна казаться аргументом в пользу пессимизма; повторим, каждый текст – это найденное равновесие, благодаря которому только и может существовать лирическое «я» Петра Разумова. Нежность, обретшая крылья (пусть это и крылья насекомого) можно трактовать и как завуалированную отсылку к поэзии начала 20 века (например, к Клюеву, к его «чайке белой нежности»), как намёк на преемственность. Но это, конечно, может быть прочитано и как ещё одна отсылка к Кононову, у которого нежность «вспыхивает, неясной птичкой мелькнув», но «птица», как можно догадаться, в случае Разумова вскрывала бы совершенно иные культурные пласты...

...Эта книга – убедительное свидетельство того, что голос Петра Разумова нашёл новую опору – сложную, проживаемую болезненно, но обладающую самостью, принадлежащей самому времени, чьё течение в данном случае неотделимо от «я».

* * *

Я маленький
Раньше думал – большой
Наливался соками вод,
Солнцем подгнившим
Весной, когда лёд
Когда чешуя на пригреве
Снимает с себя серую тень
И становится влажной
Чтоб насекомое боли
Приклеилось снова к нему

Почему хорошо, только если избыть
Всё хорошее
Почему плохо бывает, когда не избыть
Всё плохое

Насекомое малое нежности
Пасётся внутри
Того дома, что назван теплом
И никуда,
И никуда

* * *

Петя, я не объясняю смысл могил...

А И

Над могилкой Некрасова
Хоть помпезные камни
Целовались внучатые
Дирижабли

Словно трудник
Словно блудник
Близ хозяйственных амбаров
Чёрный камень стоит
Молочаем покрыт

Что нам с другом тепло?
И весны ещё нет
На могилке Некрасова
Свет, привет

Мы не можем
Мы не гоним
Посидим, постонем

Что за гвоздь –
Ерунда
Правда в веточке незрелой
Как была, так и есть
Разночинцев не счесть

С солнышком вернётся
Тот, что в чёрном, нам врал –
Оживётся!

У могилок
Близ построек
Камнем вымощены в ряд
Человеки новостроек
Спать желают и не спят

* * *

А если дрожит
И не тонет
Сила с нежностью борются

Тяжесть небес на ладони
Множатся боли,
Ничтожатся

В трубку дуй, доктор
Крепи, к телу приклеивай
Всё равно всёдохнет
Последний кончается
Клей

Нежность изничтожается ожесточением
Больно, только больно останется
Маленькое свершение
И качается

На крошево дня,
Когда холод струится в форточку
И снежные капли неспешны, колки, пронзительны
Я болею
Я тонкий
И не скажешь ещё
Выразительней

НА ПАСХУ 2017

Орешек, дробись,
Ласточка, клей
Надежда ещё хороша

На постели нежности
Цветы первые
Бабушек руки
Сдачи не надо
Понесу подруге

На оттаявшем бережку
В крапинку ёжик спал земли бедованной
На неспелых ветвях снег лежал
Обыкновенный,
Давно нежеланный

Хоть бы вошло уже
И воплотилось
Этот день золотой
И отчаяние
Только снилось

* * *

*Некоторые люди встречают смерть с ликованием
Лёша*

Как тревожно, как ужасно
Говорить, что всё прекрасно
А при этом всё внутри
Жжёт и гложет до кости

Говорят, что есть Иисус,
Он в сочельник к нам приходит
Ходит, ходит,
Тень наводит
Делает для нас добро
И другое волшебство

Мне смешно!

Страшный-страшный
Рыба-кит
Он на веточке сидит
Дунет-плюнет,
Сгинет лес,
Без чудес

Злобный карлик Айболит,
В дерево забрался
И оттуда раны-раны
Распростёр на все вигвамы,
Чад и сажа по сердцам!

Стыд да срам!

Если больно-больно-больно
Нету сил страдать и петь
То таких людей достойных,
Как Иисус, в помине нет!

Черти есть и Один есть,
И Амур, что всех лютее
Он вкропал нам совесть злее,
Чувства, тела холодее
Стрельнул-плюнул и исчез

Все в рай,
Все в рай
Ври побольше
И вздыхай!

* * *

А дай жити – сердцем жити

Зло берёт за горло,
Перекрашивает пространство
Что в зле привлекает тело,
Зачем оно не подумало,
Зачем это свиньянство?

Не хочется быть чёрным,
Кровью налитым,
Но погоны холода приковывают к плечам ангела
с чёрными крыльями,
Приворачивают к нему магнитом

Зачем живот вмещает эту плотность цвета
гнилой сливы?
Как это всё непросто
И некрасиво

Я хочу добра, но вечно зло берёт меня в оборот
Я буду кричать, пока полон злом рот
Я буду изничтожать какую-то свою часть
И будет ангел недоброкачества
Надо мной сиять

Цвет, свет
Все пальцы в очумелой саже
И сердца потуги
Истомились от такой лажи

Чёрное зло,
Которому везде хорошо
Берёт за горло
И совсем не смешно

* * *

Не выжжены чувства,
Хоть траву, поправляй
Зверик боли уйдёт, посидев часок
Будет не то что седым висок

Нежность и строгость взлелей
Солнце вернётся утром
Когда наступит очистка,
Когда прозвучит мальчишки протяжный свист
В горле зобком
Не оттого, что вернулся,
А оттого, что стал колким

Кроши краешек сахарка,
Ручку чашки грей
На вымышленных листочках
Уже проявился клей

* * *

И пустота рассасывает сердце
Оно дрожит ещё и бьётся
Поправить, что нельзя
Ведь если горе горевать,
То будет легче засыпать

Тревожит день, зовёт с собой
Но на окраине глухой
Где я заночевал
Не видно солнышка и снега
И что-то движется в неясной пустоте
Как в космосе –
То боли зов ко мне

Я буду просто жить, неумудро
Я глупость крови приживляю
И будет утром чай и сок
И будет днём любимых голосок
Я в кашу буду добавлять
Глухую ночь, что пережить обидно
И будет, может быть, немного посветлей
И вечером, когда похолодней
Мне станет хорошо и стыдно

ПАМЯТИ ДВУХ-ТРЁХ ПОЭТОВ

Огонь, огонь внутри и жжёт
Зелёнка боли не уймет,
Ту пропасть малую, что вскрыла рана
Она – отчаянья возвышенного дно,
Оно же небо, как сказал поэт
Где верх, где низ – потерян сантиметра
И градусника след

Когда в безумии метался много лет назад,
[Сейчас мне кажется, что счастлив был]
Во мне кипела страсть
И бурь тестостероновых звоночки,
И налитые водкой почки –
Всё как-то ввысь росло и пело
И догорало на костре
Из чувств, что небу через край
Бодело невзначай

Теперь я старый муравей
Я жук, везущий бахрому
Протёртую, дырявую и злую
Из цвета ставшую трухой
Всё это я везу, хозяин небольшой
К Поклон-горе,
К небесному отводу
Я лью по малой капле воду
На этот гром- и молния-затоп
Как Тор

И это каждое похмелье,
И трепетное вдохновенье –
Всё клеит, клеит неба муть
И мажет сажей по чуть-чуть

Чтоб вышел холст,
Чтоб прочно было
Из тяжести – сказал поэт
Рощу не ропща этот хлеб
И будет он горяч и дик
И будет грешный неязык
Такого же масштаба,
Как вырванное с мясом жало,
Как тот привет из давних лет,
Которому исхода нет

ПАМЯТИ ЧУВСТВА

– Вслушайся, как красиво:

«Дрозд щебечет в шевелюре кипариса»

– Дрозд не щебечет

Я начинаю тебя прощать
У кого оскомина, как печать
У кого внутри золотое тело
И птица дрофа над кем шелестела

Он был беспощаден и нежен однажды
Он как девица одет был важно
Он как тунгус своё ухо жал
К моим стихам, к моим миражам

Я его помнил все дни и годы
Я всё хотел от него свободы
Не думать о нём как о той обезьяне
Из восточной шутки в переводе плохом –
Всегда слова встают сапогом
Когда одно на одно находит,
В изъяне тонет

Я целовал его один раз
Весь гуд от него был – приказ
Он владел моим бессознательным
Он сам им был – чрезмерно желательным

Я хотел его опрокинуть в себя
Шипеть рядом с ним,
Он был для меня – змея,
Я садился ближе и рассматривал трещинки
В его подбородке, получал затрещинки

Тёрлись друг о друга два неферзя,
И пена вставала как муза,
Целовала меня, скользя

Он трепал мой ум и сердечко,
Взрывал болячки
Он был мудрый
И настоящий

Но всё распалось на много лет
Его непрочен на поверку обет
Он взмахнул хвостом и слился с травой
Я остался один,
Сам для себя чужой
Я – маленький,
Он – большой

БАЛЛАДА

Когда задумчив я брожу
По Волковскому кладбищу
Я урну с прахом нахожу,
Пирютко прославляющую
Исцветшую, оглоблюю,
Убогую и мокрую

Залит дождём весь белый свет
Из-под земли растёт скелет
Он клацает забралом
И манит сладким жалом
На нём густая борода
Зовёт меня:
– Иди сюда!

Кладбищенский седой старик,
Я распознал тебя из книг,
Ты в переводах мне являлся
В театре ставился, смеркался
И музыка моя тебя не раздражала
Как тех отцов, чьи вялы жала

Старик, сули сегодня мне
Быть припечатанным к золе
В угле запечься запасном
Вскормить себя огнём и злом
К тебе прильнуть, тебя покинуть
И выпростаться из могилы

Старик шуршал, старик молчал
Я заживо ещё скворчал,
Но жало мудрое его
Терзало бедное моё

Когда по кладбищу брожу
По камешкам стучу
И вызываю на беседу
Его, снискавшего победу

Вот и сейчас
К деду на час

РОЯСЬ В СТАРЫХ СТИХАХ

Тронуть слегка ворох слов, что лежал
И в шебуршении этой потравы
Услышать полёт птицы малой
Услышать что-нибудь, чего не знал
Искал

Как ожидается чудо?
Как будни?
Они чередой всё проходят
И вдруг что-то дунуло в форточку, в шуме
Покажется лилейка малая боли

Боль что котомка, куда не возьми
Она появляется и открывается,
Словно дни

То, что длится с таким наслаждением
Только крошит и крошит счастье
Оно разбросано по впечатлениям
Его и вовсе нет,
Оно лишь часть нас

Подует на ранку далёкий гудок
Ворох взметнув с тротуара строк
И что-то затеплится, что-то задавит,
Что-то вомнётся образом в память

Собирай, зачинщик боли
Нежность с траурной ладони

ДВА МЭТРА РАЗНОГО САНТИМЕТРА

Один был – кнут,
Другой был – пряник,
Не нашивал он маек ...

Два человека в раз другой
Один сначала, второй – потом
Для меня сделали очень многое
Один место занимает немногое,
А, может быть, вру – скорее всего
Он огромный, без него ничего ...

Один был волшебен и ослепителен,
Он как купец был осанистым жителем
Песков, района, где памятник гению
Других лет и его свершению

Он был тем, чем бывает ладонь
Для зёрнышка малого,
Моя юдоль
Копошилась и меркла в густом тумане,
Во мраке земли, на бескрайней поляне
Возможности были и был вкус
Притягивал он к себе
Отваживал от людей
С выборгского района, юный белорус
Я целовал губы его теней ...

Второй – целовальник с надтреснутой чашей
Фаянса сединой краше
Бессребреник и пройдоха

Ему никогда не бывает плохо
Жизнелюбием сыт, как даос и монах
И кажется – птицы в его руках
Он кормит по зёрнышку всё, что увидит
И молкнут часы при виде его
А был ли он когда-нибудь виден? –
Кажется, он прозрачней всего...

Два мэтра спешили на помощь мне
Один при солнце, другой – при звезде
Бодисаттвы оба, они глазами
Меня смущали и прятали пряди
Седые-седые-седые притом
Так я неспешно стал с музой потом
Музы и мэтры – вы мне покой
И одиночество дайте гурьбой
Чтобы светилось, чтобы жалось
Чтобы к себе я не чувствовал жалость

Жалы мудрыя у вас
И на этом весь рассказ

УТРО

Когда тревожный мышь ушёл
И схлопнулись созвездья
Осталась только тонкая
Плёночка зари,
Я шёпотом, чуть погодя, опережая тленье
Встаю и к чаю вновь иду, чтоб горячо внутри

Курю и думаю о том, что было и что будет
Мне внутренний цыган
Сулит добро и зло
На чьей окраине сегодня заночует
Мой голос, что воркует вдруг
Семи болям назло

Будет шапками богат
Лес, что вёглы топит в хлад
Зелёными и чистыми
И птицами реснистыми

Кричит на дитяtko девица
Сантехник пересёк дворок
Сгребаёт дворник-инородец
Сор в зелёный кузовок

Всё в мире чинно, мышь ушла и кончилась засада
В такие дуды дуновать не надо мне с утра
Хочу надеяться притом на солнце не из ада,
Что оставляет в сердца дне
Своё лицо ура

О ПРАВИЛЬНОМ СТИХОТВОРЕНИИ

*Чого болить і де болить
Ніхто не питає*

Раздеться без постороннего очень непросто
Кто подхватит ладонь и положит в свою?
Зачем говорить серьёзно, если нет повода
Зачем горевать взаправду,
Если не за твою

То, что случается, меняет причины и виды,
Меняет состав, меняет обиды
То, что мается и стать чем-то не может,
Обычно вымарывается
Или остаётся под кожей

Но ведь маята и обида – два самых ярких коварства
И больно, когда пустота разъедает субъект
Лекарства
Ищешь, ищешь, чтоб стало хоть на чуть-чуть
Светлее, бодрее –
Был бы не так тяжёл этот гнусный путь

Раздеться взаправду можно лишь на глазах,
Когда кто-то смотрит и движется в сторону ту же
А так побираешься чем-нибудь малым
И тужишься туже
А всё хрипотца и бедлам –
В животе и в сердцах

Раздеться, обуглиться – вот бы вернуться назад!

ЗОНА

Что там в зоне слепой?
Не обида? Не горе?
Может, даже и лучше, когда не знаком
С тем, что ноет в тебе
Под неплотною крышкою гроба,
Из которого выбросил кто-то
Покой

Что там, в теле под рёбрышком первым?
Не тоска ли, не злоба?
Кто-то, может быть, знает — не я!

Я живой!

Пока над крапивой, над колкой и мрачной короной
Звёздочка малая тужит,
Нас ждёт непокой

Даже лучше, что больно
Но не больно же, тихо
Только знаешь, что где-то внутри скребёт коготок,
Что-то несмелое манит и песню тревожную нычет —

Заживёт ли?
Авось заживёт

ПО ДОРОГЕ НА ЮЖНОЕ

*«Мажорное и минорное сольфеджио»
название книги на стуле в кафе*

Сказать, что не могу
О праведниках многих
Родителях, что выжили
В сибирских лагерях,
О скрюченных дорогах,
Которые вели моих отцов и мам
По сэсэсэру, по краям

Как встретиться уда́лому еврею
Со старобрядицей в глуши снегов и льда?
Как вырваться из деревеньки белорусской
В какое-то количество дворов
Девчонке босоногой
И в город, злой, голодный и хромой
Переместиться навсегда? –
Не знает то звезда

А папа, музыку скребая
По западным каналам
И душу разогрев
В далёком Эберсвальде,
Приняв мотив свободы и добра,
В советском захолустье
Очнулся навсегда

Такую думу думаю
На кладбище спеша,
Где деда успокоилась
Мятежная душа

На Южном средь проталинок
Поперёк могильных плит
И его подранок-тень
На шестке сидит

Видит-видит-видит сны,
Как к нему пришли сыны

Спасибо ему
За горе, за печаль
И станет легче здесь, теперь,
Когда чего-то жаль

Приеду как-нибудь к нему
Не буду горевать
А буду жухлую листву
С его костей снимать
И думать думу, что давно
Скрывалась по сердцам
И городских, и хуторян
Моих отцов и мам

ЧИТАЯ ГЕЙНЕ

*Как я всё это претерплю?
О, тело, будь со мной – молю!*

Душа, образование,
В предсердии находится
Она как наказание
Как совесть к горю клонится
Она как лепесток сухой
Под ветром, гнётом мается
А когда ей срок приходит
Вынырнуть пытается

Такими видит детвора
Поэтов и романтиков,
Что не ложатся до утра,
Пыльцу сдувая с бантиков,
Пьют эфир, нектар и сому,
Аполлоном поднесому

На самом деле дух что кость
И рассыпаться может,
Когда по телу дрожь бежит,
Когда тревога гложет,
Когда обычный организм
Не без упрёка пьянства
Почувствует в себе зажим,
Уходит от лекарства,
Когда поёт и пишет тож
Про розу, соловья и нож,
А сам в пучине тонет –
То просто тело ноет

Тело – заповедь добра
Оно что дровня для двора
Оно фундамент боли
И нету его кроме

Оно зудит, оно молчит,
Оно на кладбище спешит,
Боишься год от года
И в нём – нас всех свобода

Оно и крылья, и залог,
И золота большой кусок,
И хворь, и счастье тоже
Его нам создал Боже

И нет его красот сильней,
И мысли, что его светлей
И тапочка, и спинки,
И скомканной простынки,
Которая к нему б не жалась,
Давя на страх и жалость

Всё, чем организм богат
Это мясо, наш собрат
Это пси, которой тоже
Оно двигает под кожей
Всё выплёскивается
Из любимого лица –
Слёзы, слёзы из свинца

Это труд его упорный
Это жар огнеупорный
Это тело без надстроек,
Без подпорок и пристроек –
Так возлюбим же его
Смысл и закрома всего!

СТРАХ

Похоже, у меня нет ни фронта, ни тыла

Лёша

Я понял про себя
Что страх такое есть
Я долго с ним тужил
Он – травм покров и весть

Он просто «нет», где «да»
Он мясо к кости жмёт
Где тень его была,
Там муза не живёт

Выбрасывает он
Из лодочки телес
Его «лука» закон
Изгиб то бишь и бес

Он хочет нас покрыть
Как крокодила кожей,
Трясущимися жилами
Квадратными вдоль рожи

Но если долго дух лечить
И тело аккуратно шить,
Там, нетронут молью
Кусочек честной боли

Она живительной бывает
Взаправду быть она зовёт
И страх, пришлец и плут неправый
Уходит в дом своих забот

Харон упёрся в поворот
Он нас обратно отгребёт!

Поёт душа,
На берег спеша
Туда, где была
Золотая кайма,
Где синий и свет –
Жизнь, привет!

* * *

Шесть утра и серый потолок
Солнце красит в золотое
Вдали троллейбуса гудок
И дворника метла скребёт –
То звуки детства, всё такое
И обступили «корабли»
Мой двор, они не на мели

Пьяны мы в молодости миром
Он нам открыт и мы открыты
Он замирает у поребрика
Мокрицей лужи серебрястой
И манит каждое растение,
И говорит – всё в мире тонет
В добре, которому нет имени,
Обнимет нас оно, покроет

Теперь не то, – соприкоснуться с настоящим
Не может тело, дух дурной
Он зябнет в нерешительности, в воду
Мокнув лишь пяток плоские края
В сиротстве тонет он, скорбя

Но почему, но почему?
Не ностальгия никакая,
Не умиление собой,
Но чувство крови запасной
Меня зовёт вперёд, туда
Где вновь душа озарена
Мерцаньем золотинок неба,
Там кров, там много-много хлеба,
И хвои, спичек, кирпичей,

Лопаток, книг – я там ничей
И одновременно
Я – весь, и хочется добра,
Там нету тела до утра,

Там мак, там мак, там мак один
Там, за которым гаснет сплин
И наступает тишина
И в тишине едва-едва
Кольшет тюль гудок знакомый
Мне кажется, что шесть утра –
Я дома!

ПЕРЕСМОТРЕВ «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ»

Всё пропаганда и дерьмо
Когда о боли речь заходит
Когда о дне, когда кромешная чернуха,
Не выползти из грязи и на брюхе

Когда и кровь и смрад,
И солнце – только луч косой,
Которому ни капельки не стыдно
За то, что умер брат,
За то, что сироты,
За разложение на летнем поле,
В леске, у той воды,
Где птицам, рыбам, насекомым
Вольготно до и после, всегда –
Природа словно тварь,
Как самый настоящий скот
Живёт, когда нельзя
Когда людишек мор берёт
Берёт штaketниками, в кучу
Кому-то кто-то лезет под бельё
И в куче мяса, грязи и железа
Берёт своё и не своё

Как страшно равнодушен мир
И мы, увы
Когда не знаем,
Какой бывает на земле сортир,
Когда за рай
Играем, бьёмся – нету слов
Для этого стыда
Одна в лесочке знает боль,
Полна сонливых насекомых
Весенняя холодная вода

ЯЗЫК

*Александрю
Ильянену*

Французский бы выучить
Вот же чего захотел!
На жёрдочку эту залазит лишь избранный солнцем
Лишь свежесть в груди у того, кто жевал эту ноту
И с ветром в сознание впустил –
Тому хорошо

Зачем в этом мраке томиться и свет видеть
только от года,
Зачем на Неву в пухлом войлоке зреть средь весны,
Холодной как пальцы мороза,
Тревожной, как мох в перелеске,
На камне, что видит подземные сны –
Не надо, не стоит

Уехать, вернуться в сочельник, в полдневный
цветной шапито,
В иллюзион, что Майя наводит на город,
Когда в нём добро и покой

Нет, мы здесь одни, но лучше родному родное,
Когда эта сажа и жажда в груди,
Язык лютых псов и полей очумелых от гроз,
Который на волны Невы чей-то волос занёс
Зерном он упал и сказочным образом тоже
Оборотился, встал, запил –
Запел и очнулся
Как с другом Серёжей
С ним жить-вековать
Так твою тать

ЛАРИСА

Ларисы Черниковой губы –
Они как русская Джоконда
Ветлицкая чрезмерно «секси»,
А Салтыкова тоже, но ребёнок
Ветлицкой форма вермахта идёт,
А Салтыкова – девичий пушок,
Наивность, нежность в ней приятны,
Её потрогать бы под партой

Черникова – чистый позитив,
Но на поверку – Родины страдалица
Когда сироты дышат тяжело,
Когда кулак вздымает жаркий пьяница
И бьёт, и льёт, и слёзы, и печаль –
Всё это есть в Ларисе
И этого мне жаль

Она – воображение поэта,
Сплошное облако из пара
Как старенький шиньон приладит
К макушке пожилая пара
Или девица длинную косу
По волоску в сноп соберёт –
Лариса в телике поёт

В привокзальной закускойной
В праздник редкий, ненадёжный
Черниковой голос звонкий
Затесался среди пирожных
Горе горькое – Россия
Лишь её, жену и мать
Приняла в себя и выбрала
И не надо понимать

Разверзается над бездною
Её томный нежный голос
Золотая, окрыленная
Средь бескрайних хлебных полос
Дорогая, веселящая,
Сокрушающая боль,
Всю Россию исходящая,
Сердцу милая юдоль

Поёт Черникова
На заре вечерней
Чернозёмная, черничная,
Коренная, горемычная

Чёрным золотом горят
Тьмы российские стократ

В голосе её хвороба,
Сосенка на короб гроба
И одновременно – солнце,
Солнце неевского чухонца,
И московский звон чугунный,
И ноябрьский мороз –
Всё в ней ходит-бродит Родина
В неё я сердцем врос!

КНИГИ

Книжечки мои, отрада
Сердцу горькому прохлада
Их огонь меня палит
Пробуждает жар ланит
Весь я в них, они во мне
Диалектика такая
Мне приятна и вдвойне

Одинок я аки сын
Лишь над комнатой кирпич
Мне смежает день на ночь
Книгу плоть лишь может мочь
От прекрасного утра
До закатного темна

Пушкин попрощался с ними
И сказал: друзья отныне
Даже за порогом чувств
В них залазить я хочу
Целовать их, гладить часто
Содрогаться с них участно
И земную всяку тварь
Заменить на сей словарь
Чтоб порхать и бед не знать
По дороге в жёлтый ад
Где они, конечно, тоже
Будут мне всего дороже

*Лене
Свиридовой*

ПРАЗДНИК КОРЮШКИ

Корюшка небесная
На тарелке в масле
Её перья склеены
И померкли глазки
Её жизнь неспешная
Прервалась сегодня
Ждёт её, сердешную
Люта преисподняя

Что в муку заволокло
С пивом в глотку утекло
Радость расставания
Омут наказания
Ты за что сгубил селёдушку
Душу-рыбку обглодолушку?

Всё тлен
Жизнь скромна
С пивом в море
Добра и зла
Сам чёрт не разберёт
За этот поворот
Тьма ли свет
От тельца
След

Капают слёзушки
По корюшке-икорушке
Ты была дитяtko
Ты была миленька
Схрумкали с мукой
Твой остов небольшой
И косточками звень
В погожий этот день

Солнышко светит,
Корюшка не дышит
Все мысли срослись с водой,
Из которой она
Была молода, нежна
Чего-то хотела,
Лето пропела
А теперь с холодцом
Слопана глупцом

Все веснушки на ней –
Пожухли, отзрели
Зори вечерние
Осиротели
Холодный рай
В эту весну, май
Сгрёб сердешную
В тьму кромешную
Там ей жить-почивать
Оттуда головой качать
Чтобы люди
Помнили-знали
Что на блюде
То, что едали
Не кончается –
Возвращается

Будет лампочкой из ада
Нам селёдушки головушка качать
Мальшей страшать
О могиле чтобы знать
Бренно тело и дух,
Говоря вслух
А селёдочье давно
Зато поели славно!

СТИХИ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ МОЛИТСЯ В ДУШЕ

Я не знаю, как оправдаться
Я был молод, мог и нажраться...
А ещё раньше ходил в церковку
Над озером чудесным, пасмурным
Там ненастья нет, кладбищенский душок
Чернеет земля, песок
Матерным языком ещё не выражаясь,
Я был там как с солнышком сам-друг
Наедине вдруг

Что могу сказать, себя ненавидя
В злобе тонушим часто видя
В фарисействе, правда – единственный грех,
Не замешан, в отличие от всех
Вот и грех))

Я как часоуенка слабая с сердцем внутри жестяным
Хоть бы помог когда какой-никакой херувим
А то всё болтанка из тревоги и скуки
Сажусь за стол, переодев брюки
И пишу это послание никому,
Маленькую исповедь подвешиваю на губу

И пусть камень в меня бросит сторонник
Объектно-ориентированной поэзии...

Я – Бога угодник!

МЕЧТА ЖИЗНЕФОБА

*Смотри на небо – вся эта грязь
Давно уже стала цветом моих глаз...*

Если б, допустим, я узнал, что у меня рак
О, как бы я тогда был доволен,
Скажете: я дурак

Нет, просто скучно жить, и притом очень больно
И, кажется, небо я коптил довольно

Я б тогда написал замечательные стихи,
О том, как стали шаги и дыхание легки, глубоки
О том, что спасибо, Боже, за этот хлеб,
За эту конкретику, шпалы лет

За то, что даруешь мне счастье уйти на покой
И жинка не кричит тебе вслед: постой!
За то, что было, и больше не будет, пройдёт
И глина наконец мои губы срамные зальёт

*Алле
Горбуновой
и Диме
Григорьеву*

ЧЕЛОВЕК И ЕГО КОТ

Человек был изобретён котом
Как посредник между ним и остальным скотом
Скотом, что поближе к небу летает
И тем, что волной на глубине играет

Скот всяк на небе и так и этак вихряет
Преисподняя лавой воду морскую смущает
И каждая тварь знает свой рай и ад
Где зрел, где зелен ещё виноград
Путём свободным ходит туда-сюда,
Размочив кислинку соблазна едва,
Познав, что хорошо, а что нет
Когда-то давно, на заре лет

Человек был изобретён для того,
Чтобы изобретать то, чего лишили его самого
Всякую палочку для битья, социальные сети
И прибор для того, чтоб не рождались дети
Он наводнил культуркой пространство планеты всё
И лежит на диване, перелистывая Басё
Мурлычет под нос песню Иванушек Интернэшнл
А рядом его Бог, с дьяволом перемешанный
Трётся о спинку дивана, прося приласкать
Поиграть, вынуть из пакетика разную сладсть,

И не знает наивный сей муж и его жинка
Что изобретены питомцем, у которого
 дрогнет жилка
Едва, если разладить планеты житьё-бытьё
Он найдёт себе место другое, своё-не своё
По крайней мере, не на иждивении
 у своего изобретения
В этом соль и величина его творения

ТЕЛО И ГОЛОВА

Прошлое помню как помнят забытое
То, что дымится, плотно закрытое
Накипь из образов рвётся, касаясь
Пламени счастья, во что-то означаясь

Прошлое движет телом и снами
Рост неизбежен, помытый дождями
Просто гулять под зонтом и страдать –
Это налог на память отдать

Денежки-годы сдаются с трудом
Всё, что было – оно и потом
Как-то вращаясь на колесе
Снова бывает и отзывается вовне

Помнишь одно, и другое, и большое
Сердце вскипает, чем-то довольное
То дрожь его гложет, то сладкий проток
Тело живёт как в проводке ток

Оно незаметно, оно где-то в пятках
И чувствуешь – есть, когда беспорядок
Навалит и сломит, и просто триндец
Знаешь: всему объяснение есть

Память бывает самостоятельна,
Она приходит желательна и внимательно
И передвигает всю мебель в доме
Всё переменяя, головы кроме

Голова сама по себе обитает
В ней всё хорошо обычно бывает,
Но стоит телу почуять страх,
Всё рассыпается в ненадёжных руках

Что нами движет и где мы есть?
Вопрос вопросов,
Жизнь – жечь!

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Простить ли того, кто поближе, чем кровь
И что это значит в судьбе
Если он наг, изворотлив и в кровь
Кусаешь губу, онемев
Когда вспоминаешь, как в жаркий июнь
Сидел и глаза в небосвод
А травка ласкалась к плечу и виску
И тень шла по линии вод

Когда притворишься, что снова живой,
Что чайник кипит на плите небольшой
И каждый глоток той воды –
Как будто кусочек слюды
С губы, с изнанки глаза, с запястья
Археология тела знает, где была снасть
Для того, чтоб, умерев, снова рождаться
И вдыхать, и мазать по краям
Власть

Как простить, как не прощать?
Просто жить и не ворчать
Быть одновременно и там и здесь,
В прошлом, над бездной,
Где солнце и лес, река и жухлые травы лета
Как не свихнуться от всего от этого?

Было когда-то хорошо и плохо,
Это всё сгнуло в трещине рока
Туда упало, как в глубокий колодец
Колечко-сердечко,
Складное местечко
Преступления, имя которому – совесть

На дне жить без бога и чёрта нельзя,
Опять представляешь, что рядом змея
Её чешуя в серебре и подтёках
И кольца, сжимающие жестоко
Если приладить к ней кончик, хвосток –
Это шок, это конец этих жарких строк

Так что же, о чём я?
О, горе мне, горе!
Я всё помню, до дрожи, до боли
На месте летнего зноя я
И снова безумие в ключике дня

* * *

Какая-то спокойная могила
Огромная, как русло у реки
В которой всей воде хватает места
Как будто в сон клонило и с ноги
Соскальзывало место

Как будто бы пространство – это рай
Без солнца и часов
И на воротах ржавый календарь
Без циферок и нот

Как будто за окном – ночная мгла
Она как в хлеб кидает соль-тебя
И ты сгущаешься, входя во мрак
И тонешь, не скорбя

Как выйти из сознания в пролом
Меж звёзд и коромыслом млечпути
И одному, без тела среди кустов
К ручью в жару идти

Как будто полны были закрома
И мышшь сошла с ума,
Увидя то, что ей объять
Не хватит сумм и зла

Что всё вокруг – большой сарай
И сено до краёв
И зоб довольный чешет май
Без мыслей и взахлёб

Всё это пел простой Бернес,
В окно с той стороны
Стуча, зоя и в край маня
Шипением иглы

* * *

Т. П. Когда болит не у тебя
И рана глубока
И десять вёрст лишь отделят
Тепло от черепка
И хочется собрать добро
И в огонь швырнуть долой
Чтоб голым быть, пока игла
Идёт как вверх трубой

В печи, на дне, сквозь черноту
Любовь смежает кровь
И покидает наготу
И ветхий хляби кров
Оно, чему и счастья нет,
Привета на земле
Оно рождается во тьме
На гаснущем огне
Оно тревогой за друзей
Наполнено за край
И расплескать тот рай едва
Мы можем невзначай

И понимаешь:
Только здесь, где свету есть предел
И мыслям, гаснущим на дне
И чувствам, что пропел
Здесь, в жерле треснувшей трубы
На чёрном дне тоски
Где край разумному и мы
Здесь не найдём доски,
Чтоб начертать, замазать зло,

Из коего творог
Всех этих глупых ног и вот
Мы треснулись в порог

Здесь, здесь меня похорони
Наедине с судьбой
Чтоб были дни мои и свет
Замешаны с иглой,
Которая прошьёт перо,
И горе, и сноровку
И в непроглядную золу
Мокнёт монету звонко

Я заплатил, я там, где ты –
Там, где нет никакой немоты
Там, где только отметки впрок,
Там, где кончился рок-звонок
Я исчезаю в пыли, впотьмах
И ты лежишь, запекаясь в словах
Лежишь и дышишь глубоко, красиво
И я рядом ложусь лениво
Здесь нам спать, навсегда, навеки
Мы были красивые человеки,
Но сейчас, когда ни добра, ни правды
Мы просто вместе уснули за партой
И солнышко греет листы и дневник
И в нас этот ровный огонь проник

* * *

Вот группа «Вещи!» заседает:
Карандаши и кисти движут по листам
И разговоры между делом проскользают
И «Соль» БГ звучит, и хорошо всем нам

Пока холодный ветер за окном
И туча, словно потолок из ваты
Загрязнена, как та вода из баночки покатой,
Что еле примостясь, к мольберту жмётся
Вот вздрогнул кто-то, засмеявшись
Рисунок скомкав или показав,
Мы пьем чаёк, обнявшись

ХАЛТУРА

Вот песенку решил я сочинить
Мне музыкант мотивчик подогнал
Деньжат разжить, снискать похвал

Про море и песок,
Блондинки волосок

Да что-то нету вдохновенья
Какого-то такого угощенья,
В которое попасть бы ложкой можно
И станет всё несложно

Простое это не отстой
Его ещё сварить попробуй
Порыв важнее нот и стана,
Бумаги, стерженьковой сажу
Попробуй намазюкать враз
Хоть песню, хоть рассказ

На струны нежные души
Ты словики-гробики
Положи, распиши

Где мёртвою водою
Струится передел
Там приголубить букву
Мой клёст к тебе взлетел

Я напишу песенку
Как прислоню лесенку

Порыв – окно в трубу красот
Я песен знаю девятьсот,
Но как до дела – тонет
Душа и буквы гонит

Вот песенку решил я сочинить,
Подзаработать на бельишко
А шасть она – простая мышка

ПО ПЕЧАЛЬНЫМ ДЕЛАМ

А Родина – психиатрия,
Где тот хозяин, у кого ключи
Все одинаково больные,
Но у иных – харчи
Распределение ресурсов
В стране тайги, в стране трудлагерей
И снега, что по шапку вора
Занёс, и нет огня над ней

Я здесь на слове «мы» довольно постоял,
И полудерзких одноклассников видал,
И сам варил харчи на пару с инороссом,
Который букв не знал, но матерился вrost
Я захлебнулся вами, люди
Мне ваш распределитель – шиш под нос

Ключи здесь только у того, кто лучше всех мухлюет
И договора этого никто не отменял,
Пока болели многие – он шприцами играл
Вколоть кому, кого оставить в ломках
Кому паёк, кому курок –
Хозяин этих мест
Вас приглашает на урок
Российского письма – малявы чтоб катать
Из одного в другое перебежчик,
Я не нашёл свою кровать
И был мне сон случайный – лещик
Он скользкий и холодный как ручей
И спать я с ним ложился, как взашей

Что схлопнула огромная дуга
От мёрзлого Карлага до Степанова-Скворцова?
Всё смерть да батога
И не отыщешь здесь иного

Константину
Лопушанскому

ВЕРДИКТ

Теодицея – вот большая страсть
И здесь соблазн присутствует огромный
Но скушать этот ужин нескоромный
Хочу и не могу,
Любовь бывает к людям,
Их нежному страданию, уюту...

Отчаянно молиться в душе
Когда вода смывает жесть
Когда по Невскому в субботу
Прошёл и перестал терпеть
А начал ботать по-иному,
По типу всё отстой и плебс

Но надо с каждым в одиночку,
Сам-друг и запершись, подумав,
Чай разлить
И с сахарком, ещё хранящим свет и белизну,
Друг друга в нежности избыть

Вот чем живёт любовь!
Теодицея – пагубная весть,
Она покруче правды всякой,
В ней всё инаково, черно
И видишь только скорби дно,
И люд, и то, что в людях кроме
Вот этого тепла –
Всё, всё собрать и впрыснуть в долю
Раба Петра

Художник что больной,
Художник что знакомый
С такою кровью, с такою нищетой
И золотой каймой, в которой горе тонет
И остаётся твёрдого кусочек небольшой
Когда разверзлись тверди
И дождь полил и вымыл всё в душе
То и молитвы силы
Не помогут, не зашьют уже

А всё другое – ничего не стоит
И скучно без дождя
В котором каждый, кто затронут
Космическим теплом, кроится,
жмётся к горю не спеша

Уже и ночь на дне окна,
Уже и буквы косит сон
А всё боится и не гнётся, что там?
Каждая душа,
Ступившая в негаснувший пролом

* * *

Вот говорят, что нет страшнее смерти
А думается, это ерунда
Всему отпущены какие-то мгновенья
И запекается по камушкам слюда
Культурный слой, в котором всем лежать
Не собираюсь над душонкой
И телом золотым дрожать

Пускай и мой недолгий голос
Остынет в янтаре
И будет праздник, новый колос
И время на Земле

Пока луна, пока млечпуть,
Пока резиновые дыры в космосе всеядном
Мы как-нибудь
Наш класс не кончился за партой
Мы группа самых дорогих
И смерть – смешной соблазн
Рассюплиться, заплакать ненароком
Всё это звали греки Роком
И Парки пальцами гнилыми
Перебирали нити зла
И спотыкались о судьбу иные
Иных судьба вела

Я не хочу и всё хочу
Мы вместе в этом доме лета
И принимаю и ворчу
У друга жду ответа, секрета и совета

Вот мой читатель!
Прост ответ
Живи хоть сколько
Хоть пятнадцать
Минут, и сорок лет

Мне страшно – я впал в маразм
Синдром Заболоцкого подхватил
Пишу как будто имею право
Писать от имени книг и могил

Как существовать в мире зла без зла
Такая тема сама по себе строфа
Я каюсь и бегаю взад-вперёд
Как будто к моторчику пришили рот

Мне всё интересно, как какому-то Басё
Где у мира дырочка и куда делось оно, это всё
Где играли дети больших перемен,
Лужица лжи, лужица тёплой крови
И нет темы этой больнее боле

Мир устроен иерархически
То, что в поддоне, будет к вершине расти катастрофически
Если упасть носом в метафизический шквал
Поймёшь, что по телику очередной лжец сказал

Одновременно, мир устроен не так
И энтропия разъедает его части вот так,
Абы как раскладывая на куски
Как разделявала бабушка мясо на краю доски

«О, Господи!» – говорила она иногда
И эта вера неправильная запекалась в мои слова,
Когда писал сочинение на пять
Об Александре Мене, о котором знал тогда, что сказать

Мне страшно, потому что синдром Заболоцкого
Делает из чертовщинки мира изображение плоское

И церквушка, хорошая среди могил,
Нелепа в другом месте и не поддаётся напряжению жил,
Которые всю эту ничтожность хотят заключить
В строфе, которая по идее может лечить
Прикладывать к уху хочу иногда
Все эти мысли, хоть это полная ерунда

Я дурачок и пишу дураком
Мне горе горькое не велит быть слабаком
Но в слабости сила и Дао, как написано в жёлтой книге
И эта радость меня достала, я надеваю на тело книги
И сижу полуголый, выглядывая из-за слов
И раскладываю на солнце очередной недорогой улов

Питаться или кормить – тема не моя
Мне хорошо просто посидеть у угля
И погреть ладошки, пытаюсь строфой владеть
За это прекрасное нечто не грех когда-нибудь умереть
Ведь то, под чем течёт кровь, как сказал поэт,
Служит лучше на протяжении лет

Н. М. **СПОР С ДРУГОМ О СУЩЕСТВЕ КЛАССОВОГО СОСТОЯНИЯ**

Мой друг музыкант
Любит Веру Засулич
За стан её дерзкий
За то, что судьбы избежала

Я говорю ему: что ты выдумываешь?
Как террорист рассуждаешь
Что вот, виноват-де диктатор и строй
Что шмали не в рост
И характер отстой
Что сформировала тебя гомофобная эта среда
Заела, дурная собака, елда

Ты говоришь: почему не хочешь издавать журналы?
А я не понимаю, зачем мне эти прокрустовы шаровары
Ты говоришь: приносить пользу и воевать со злом
А я спокоен, когда знаю, что огонь идёт напролом,
Что там, вверху, куда угораздило залететь, спятить
Нет классов и социальных связей,
Там мир инаков и невозможен в принципе
Ты не веришь, говоришь: проясни
Что там с Навальным, выясни

Всё сон, всё череда колец
И мир на грани – ему отец

О чём говорят товарищи,
Сбившиеся в пучки,
В квартирке на Чернышевской,
Смотря друг другу в расширяющиеся зрачки,
Полушёпотом, как будто здесь кто-то умер
Да – умер – говорю

И не один
Всему виной твой большевик, грузин
А ты отвечаешь:
Буржуазная твоя совесть
Не может постичь боль, которую я перенёс
Боже! – говорю, – что есть
Это решение, которое ты получил
 через собственный нос!?

Если кому-то плохо, это ещё не повод
Мочить в сортире кого-то плохого
Оставь, пожалуйста, меня в покое
Я не вылезу из того места, которое мира кроме
Там такие зубцы и ряды,
Такие сомнения и ерунды,
Что просто не остаётся сил и терпения
Выносить жар твоего каления

– Ты ободуй, – говорит Никита
Все твои карты давно избиты

Так бывают споры у нас,
Тех, кто составляет небогемный класс

*Ирине
Кравцовой*

ПРЕМУДРАЯ ПЕСНЯ

Где мы живём? Не нахожу ответа
Бывает, есть земля под кожей
Бывает – нету

Что здесь случилось, в этой зоне?
Мне почему-то стук и скрежет слышен
И нет других музЫк
И кроме серого дождя, и слякоти, и в доме
Не доме, помещении улик

Некрасов будто голова
Князь Трубецкой, который Герцена толкнул
А что потом, и отчего взалкал
Я щедрости от этих двух голов,
Которых и теперь
Приятен мерный гул

Добро теряет золото фаты
И в ночь ложится под убийцу
Неужто кровью скреплены
Все здесь: закон, обида, мука
И влажны их нетрезвые,
Больные лица

Россия мать сыра от них, под ними
Под кожей, не иначе их залог
Я запинаться буду и отныне
Писать не так, как чернокожий бог
Что всё здесь славою богато, чередой
Побед, соблазнов, янтаря
Здесь каждый что второй – хромой,
Загубленный зазря

Хромой – вот имя для тебя
Здесь посох каждому вручили,
Кого со смертью не случили,
Кого не приголубила не глина, но земля

Землёй здесь называют километры,
Этапы и столбы
Мы все замазаны той пылью беспропетной,
Которой – тьма, которой – гать
Здесь не родить, здесь – помирать

Я плачу и ору в тебя,
Родная распашонка
Когда же примешь, не обманешь, не сморгнёшь
Меня, простого лягушонка,
И шкурку пустишь в требушок

* * *

Уйти к поморам, в монастырь,
Куда-нибудь на дно
Обрыдло всё и жизнь не в жизнь
Внутри грязно, темно

Я содрогаюсь от улик,
Предъявленных во снах
Как будто помнишь каждый миг
И косточкой в рукав
И полон полог этих тайн, и раз –
Швырнул куда-то
Очередной стыдливый май,
Что был со мной когда-то

Но почему я помню всё
До мелочей, до боли
Как будто кожа не растёт
Как будто мясо не гниёт
Стоит цветок в вазоне

Я всё хочу предать земле,
Себя предать, тот май предать
Чтоб спать без снов и лепетать
Как глупый, как тюфяк

Как мне противно всё и вся,
Земля, вода, кусты
Асфальт и вечер и еда
Пусты мои мечты

К поморам, в глушь, в какую хлябь
Хочу и всё – туда
Где кончится моя судьба,
Сломается игла

Ну а пока по коготку, по косточке, стишку
Кладу в сундук, в рукав кладу
И дую на беду

ОДА ОРГАНОНУ

Связь с телом нарушена долгим молчанием
О других болях истошным кричанием
Пропаданием в мира дне
В долгом сидении в собственном сне

Лучше бредозный захлёб мазохиста,
Лучше нелепая опись скромниста
Или тщеславия полный мешок
Или столбец окрыления, шок

Чем прозябать без тела, без чувств
Они напряжением подвижны уст
Они искусства разъятая щель
Они небеса и адка карамель

Тело, мой след в пространстве отверстием
Тело, мой памяти короб нечестный
Тело, моё сокровенное я
Моя идентичность, моя зла змея

Хочу я с тобой побродить вечером
Чтобы внутри тебя быть, где знаком
Мне аппарата кнопка и локоть
Нежность твоя и сварливая похоть

Ты мой капризный и чистый проток
Ты потолок, ты ненарок
Вернись в мою жизнь, как ты было в ней раньше
Сладки с тобой чай и отчаянья реванши

Пусть поболит, пока прикасаюсь
К самому себе, сердцем и кровью маюсь
Источая любовь и свет во Вселенну,
Лелея хворь и мечту сокровенну

Ты – праздник, и горе, и сок коварства
От тебя не хочу никакого лекарства!

* * *

Когда отвергнут некой леди
И, кажется, что одиночества не разомкнуть перил
И скатываешься по ним
Всё в сон и хворь
Опять один

Когда очередная неудача
И сердце сжалось, в рёбрах плача
И горесть – дом
И тьма – приход
И вздрогнул флот тоски
И по небу плывёт,
Врезается в стальные облака
И свесится за борт рука
И упадёт из тех ладоней
Пушинка крови восковой –
То Один собирает жатву
Он мёд выделяет дней
Над ним любовь
И кровь на ней

Из этого коварства
Печётся брага букв
И пропадает безучастно
Поэт, желанник мук

* * *

*Татьяне
Панченко*

В стихе как в житнице
Живёт задор,
Ярость и боль, похмелье и сажа
И чтобы хотя бы начать разговор
И не свихнуться от этой лажи
Надо иметь порядок внутри
И ставки высо́ки, и жертвы хуже
И замечаешь, выходя курить,
Что мхом поросло дно глубокой лужи
И эту малость вписать в озноб,
В невыносимое и опасное
Чтобы опять на рифму «кровь»
Придумать замену, найдя лекарство

Энтропия ликует, если ей палец дать
Оттяпает по локоть стихотворение
А всё же прекрасно с искусством играть
И останавливать иные мгновения

**ВЕЧЕР С КИНЕМАТОГРАФИСТОМ
НАТАШЕЙ КАЛАШНИКОВОЙ,
ПРОВЕДЁННЫЙ В БЕСЕДЕ ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ**

«Чехов – прекрасный писатель, конечно, –
Говорил я Наташке, – это известно,
Но смысл его пьес от меня ускользает
И пафос их тоже меня не прельщает

Небо в алмазах, будем работать –
Всё это пошлость и он в ней по локоть
А сам смеётся, всегда смеётся
Над любимым героем, к которому жмётся...»

В окне напротив показалась старушка
Вышла голубке посыпать ватрушку
Женщина старая, в сальном халате
Типичная, жалкая, добрая кстати

Пока я слагал монолог про Антона
О том, что сочувствия в нём ни протона
О том, что он кукол одних наплодил,
О том, что ни капли он мир не любил,
А всегда исповедовал пустоту и ничто,
Которое в каждом его герое,
Что жить не смешно,
А больно и стыдно – привет Достоевский
Или полезно – привет Чернышевский
Красиво и правильно – пишет Толстой
Или блаженно, как Пушкин простой...

В верхнем окне замелькала вторая
Корявая бабка немолодая
Вся искокожилась и на окрестность
Взором потухшим глядела
Словесность
Как эта бабка была в Чехонте
Банкой с припаркой и больше уже
Смыслов в себе не заключала
Как будто у шмеля оторвали жало
Как будто начался постмодернизм
Раньше, чем всякий другой акмеизм

Сидели с Наташкой, пивая из чашек
Чёрный напиток, пахучий и влажный
Он утолял нас, строптивых букашек
Под солнышком гениев, вежливо важных

Что мне сказать?
Одного не люблю,
Другой мне милей всех подлейших историй
Но вот я Наташку за то полюблю,
Что мозгу обмякшему
Прикурить дала,
Введя на Чехова свой киномораторий

* * *

Не хочу обнажаться,
Говорить вам про то, что болит
Раздеваться, сердечко шальное роняя,
Делать пасмурный вид

Ведь всё гнусности лезут, а на стороне добра
Воевать не умею, сломана эта игла

Как будто детство кануло в щель,
И там остались разливы по телу тестостероновые
Эту за щёку уже не взять карамель
И не подхватить рифмы кровь и любовь штампованные

Когда хорошо,
И сидишь в чистой комнате после уборки,
Мысли собрав в пучок,
Как продают морковки
Несёшь абы что, в строку вплетая халяву
Ведь мысли и образа ни одного не прописал в маляву,
Которую опираю исключительно на бытовой конфликт
Между желанием прозы,
К которой совсем не привык
И неумением писать, не рифмуя муру
С тела изжитками
На этом, пожалуй
Когда-нибудь и умру

КОМАРУ

Питомец люстр, большой комар
Его к руке я не прижал,
А пожалел – его сосец
Напоминает мой крестец

Он как поэт несёт и прям
И звук его бьёт по мозгам
И кровь моя – его напиток
И он берёт её в избыток

Он страшен, если рассмотреть
Он жуток, если растереть
Он птица, но его нутро
Так пусто, будто не светло
Как будто банька с пауком
Ему пригрезилась тайком

Он – петербургский нервный тип
Он там на веточках сидит
И наблюдает за тобой
Ужо тебе! – кричит, – постой!

Он красотой не богат
Он дух, который ранит в зад
И в ад зовёт на той постели
Где все мечты мои позрели
И отсырели, отвалились
Он враг затишья и унылость
Его питает страшный гнев ...

Но вот он умер, присмирив

* * *

Твой язык – это вообще всё

Аня

Я так со временем один
Мне кошелёк – язык один
Мне Деррида приличный муж,
Его читал я не досуж

На кухне спор про то, что он
Язык то бишь – закон и форма,
А в нём болтается вдвоём
Бог и душа, и не тлетворна

Мне ж мил песок пустыни той,
Которую следы
Лишь посещали той порой,
Когда не гасли звёзды
И райские кусты
Вне времени висели
Семирамиды образуя вечные сады

То есть нигде, в больном воображенье
Того, что Ницше описал:
Се человек!
И дремлют узелки вселенной
В нём языком вовек

Н. К. **СЛУЧАЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

- 1 Как к Некрасову Добролюбов
Я приходил к нему, стеная и плача
Он побудку такую выносил едва,
За суровостью сердце горячее пряча

Ему всё было не так во мне
Мой норов капризный и привычки пройдохи
Он неистово меня бранил
А я тушевался, говоря: жестокий

Страх разлада чувствуя, бередя болезнь
Я наслаждался его компанией
Ведь он проглотить меня мог, не заметив,
Приняв за шутку мои симпатии

Кто был прав из нас? Кто отец? Кто ребёнок?
Всё смешалось и перегрелось на июльском солнце
Я теперь не то стал, Обломов
Находящий покой в деловитости Штольца

А всё же вспоминается наша встреча
Минут дорогих безучастная скорость
Я ещё напишу тебе, не надо ответа
О нас двоих я один беспокоюсь

- 2 Я научил тебя слову «шняга»
Я к тебе подходил, салага
Испрашивал дозволения говорить словами
А ты хохотал, шевеля ногами

Как заправская саранча
Я жужжал, тунгус, стрекоча
Тебе был мил мой вид, мои саги
И мнил ты одно, и были мы наги

Чего бы тебе сотворить со мной?
Я поворачивал клюв, говорил: постой!
Но ты был упрям в своём стремлении
И хотел, чтобы всё было, как в моём стихотворении

Не просидев четырёх минут,
Я взметнулся и был таков
А ты всё сидел, подрагивая
В окружении лишь одних моих слов

Слова что поросль трав,
Которым не нужно расти
Отковыривать придётся кожу от мяса
А мясо само от костей

Не только обида –
Жёрдочка великолепья
Я резвился на ней щеголком
Наше прошло однолетье,
В котором мы были как бы одно
Я – половинка, а ты – две четверти
Вместе – оно

* * *

Я закрываю ставни окон
И всё в себе хочу зашить
Дышать внутри свободных стёкол
Жить

Я раздевался много раз
И стыд свой грел упрямо
Мегаломания моя
Кружила головы края

По косточкам, по островку
По каждой боли нерву
По всем частицам, волоску
Я разбирал Вселенную

Теперь не то, я всё познал
Могу скрываться в мясе
Себя всего я изолгал
Как обоссаться в классе

Но я нашёл его, её
Мою болячку – страх
И он теперь уж не гниёт,
Трепещет он в руках

Мой стыд был мании залог
И маленький внутри комок
Терпел, но не сдавался
Как в класс, я в мясо возвращусь
И встрепенусь, и оглянусь
И буду красоваться

В самом себе, в тиши, на дне
В стенáх и без железа
Моя заключена стезя
Без всякого обреза

Я – ткань, я – Бог, я – чистый ток
И стих тому простой урок

* * *

Меня насилвала жизнь
Не жизнь, а персонаж
Его придумал я как раз
Когда взял карандаш

И на листе в четыре А
Без клетки по белку
Я расписал его тогда
Как нос снеговика

Влепил его в себя по край
По самый не балуй
И это был мой мальй рай
Мой плюшевый Балуй

Но мой гомункул не стерпел
Свой статус-карандаш
И восхрипел, и залетел
На борт на абордаж

Он мясом стал и стал теплом
Мой Франкенштейн, мой козодой
Он враз сломил мой трепет
Читая книжку «Лепет»

Он стал огнём и тем ножом
Что по сердцу совсем прошёл
Шрамировал и гладил
Мои гнедые пряди

Кто виноват, что я один
Кто виноват, что мне лишь сплин
Депрессия и скука
Болячки и разлука

То сам я видно виноват
Что эта ночь и этот ад
Пришли и полежали
Там, где дрозды не жали

Там, где утех калашный ряд
Меняет зелен виноград
И нападает в спячке
Приклеивая жвачки

Он тоже, правда, виноват
Что эта ложь и этот ад
Меня к огню прижали
И карандаш зажали

Прошу и Бога не гневлю
Его, прекрасному огню
Подобный образ берегу
Как ствол небесна древа

Я по которому скачу
И козодоем улечу
Куда-нибудь на небо

ЖАЛОБА

Пожаловаться стыдно
Пожаловаться ложно
Но жало жмёт под крыльями
И без него тревожно

То слабости залог простой
Но что здесь? – подожди, постой
Кори, но без ухмылки
Мои так тонки жилки

Я вижу силу не в брутальности
Не в стойкости, когда вокруг дерьмо
Я вижу смысл в этой тайности
Когда внутри не спит оно

Такое чудное, бескровое
Но золотинкой подвесной
Оно дрожит, огнём взволновано,
Храня внутри себя покой

Я вижу силу в гибкости
Читал я Лао Цзы
Она как бы молитва
И трёт мои узды

И эта жалоба одна
Ценнее и дороже
Всех стойких оловянных тел
С неукротимой рожей

Податливая, нужная
(Кому-то это лучше)
Она как мимолётная
Кожица на груше

Она не гнётся до конца
Всё потому, что не овца
Она боится, но не врёт
Она – надёжности оплат

Она преодолет зло
Всё потому, что в ней язык
Он жало мудрое назло
Высовывает как язык

И жалуется, жалуется
Распахивая платья
И обнажая заживо
На вздыбленных полатях

Там, где гадко и темно
Жало, дрожью скреплено

ЗАМЕТКИ РЕТРОГРАДА

Лёгкий свист на углу Фонтанки и Невского
Срезывает меня с ног
Что может быть нелепее, стамеской
Торчит в отдалении памятник-бог,
Разливающий древнеегипетскую печаль
По корытцам того мира,
Где обязательно ничего не жаль

Шаверма на седьмой линии ВО
Как штурм сердца этого города,
Расстрел его из ПВО
Как война, проходящая во лжи и скотстве
И оставляющая глубокий след
В моём пацифизм-сиротстве

В городе, где когда-то били фонтаны,
Где в крепдешине жеманились бонвиваны
Где я вырос, на болотах Невы,
По две набегающие волны меня качали
Теперь все камни слиплись и одичали
Теперь не то, там было ого...

Бельмо на теле издыхающей родины,
в которую не попасть
Даже если запустить в промежность времени снасть
Всё скукожилось в бумажку из-под хот-дога
И в отдалении скульптура в виде стамески бога

* * *

*Смерть обнюхала мои сигареты
из сна*

И болен ствол, когда в нём заперта смола
И еле дышит дрозд, стуча слова едва
Чем тёмнее хлеб, тем ночь дождя слышней
Тем мягче стелет смерть и горячей

На веточке, идущей от земли
До неба, что с утехой замели,
Что рассекли на свет и полусвет
И в нашем-то несчастье его нет?!

Я плачу, внутрь вывернув края
Я смол своих не вижу никогда
Одни ночные всхлипы в темноту
Умру и встану гордо и умру

Мой дрозд не перелёт свой совершит,
А раненое сердце расщепит
И вложит света малую свербинку
Туда, где у обычной ночи спинка

Н. К. **ДВЕ СУДЬБЫ**

Судьбу кота хочу узнать
С которым я делил кровать
С ним соли пуд мы съели вместе
Но он погиб, невольник чести

Написал он в мои пластинки
И были биты его спинки

Судьбу того хочу узнать
Кто ярче солнц хотел сиять
И грел бочок моих похвал
Не сразу я его узнал

Он вкрался в самый закуток
Где мой спал нежно гребешок
И повторил: привет-привет
Прошло с тех пор немного лет

И вот он пишет: я злодей
Я, властелин твоих костей
Скорбей напрасных и забот
Я совершил в них поворот

Я прям и дерзок, я змея
Такая же, как у тебя
Бери мой рот, бери мой хвост
И оттянись как был ты прост

И врост я клятву говорю:
Не буду я уж на краю
Мне бездны дышат тяжело
С тобой мне говорить грешно

Ты дунул – и затих комар
В твоём сомнении есть жар
Но моя пуговка крепка
И прочен нерв у позвонка

Я всё прощу, но не пущу
Чтоб прикасался ты к плечу
Ворчать я буду и вопить,
Пока ты ждёшь, желая пить

Ты дышишь влажно надо мной
Пугая сон мой и покой

* * *

Цыганка меня сглазила, что бабушек не будет
Что денежек прекрасных не принесёт на блюде
Ни жизнь, ни бес, ни милый друг
И будет мрачен мой досуг

И вот прошло сто лет – и что?
Сижу в дерьме как эскимо
Как самый чахлый и больной,
Язык ворочая кривой

Где моя страсть? Где мой порок?
Зачем мне этот древний рок?
Зачем цыганка подошла?
Уж на хер лучше бы пошла

Но почему, ну почему – я, прикасавшийся к огню
Сижу в пещере мрачной, вязкой
В дождливый полдень, как под ряской
Как хищный зверь, не знавший мяса
Мне не по чину эта ряса

Когда комок того добра,
Что нажил мой хромой состав
Сплетётся в нити, кружева
И сдвинет тех, кто был не прав?

Когда в тартарары сойдёт
Цыганки тень и брызнет мёд?

Не знаю и сижу сморчком
Под лампой, в джинсах и молчком

ПЛАЧ ДЕВИЦЫ О ГОРЬКОЙ СУДЬБЕ

Ушёл, скрылся любимый – далёко, не видно
Сижу и морщинами лоб мой покрыт
Обидно
Что девушке он на прощание серьги не вынул
Что не приголубил сиделицу, так сгинул

Я была красива, весела, покорна
Но спустился с пригорка ворон чёрный
Мрак окутал деревья и мой застенок
Ну зачем не поцеловал напоследок?

Я колечко берегу, тону в нём, в агате
Изумруде водном, хмельной бирюзе
Что ещё опрокинется, скиснет кваском залежалым
В этом немытом окне в сентябре, октябре

Дождь был короток мне, сидевшей всю ночь у окна
Так далеки мои мысли, что сокол не долетит
Мои печальны глаза, холодна рука
И за сердечком, что еле трепещет,
Никто не глядит

Уйду и я куда-нибудь, к морю уеду
Там волны мне будут свободу таить и мочить
Солёными брызгами, сделаю это в среду
Слёзы сольются с морскою водой,
Которую некому пить

Финну
Скэрдеруду

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ

Я должен пить и пйсать непременно
Чтобы всегда текла струя
И только так я чувствую отдельность
И грозы бытия

Я – это полый шар, в котором люди
На крóви и песке
Там мама, знающая, вроде
Хоть что-то обо мне
Её так нележки крыла
Но я – ей посвящённая стрела

Мой чёрный мозг – лишь капля ртути
Сжимаясь, выдаёт столбы
Из пыли, лжи, симптомов и проблем
Поэтому я ем

Где доля кожи в каждодневной битве
За крах и пустоту
Две пустоты: в которой черти биты
И где Ничто не размыкает немоту

Я – гольшек в руках у мира
И отравление кумира
Я предал все заветы дней,
От этого – смелей

Но, в сущности – трусливей трясогузки,
Чьё горлышко сопит и узки зеркала
Меня вела по шву кривая
И мерная игла

Я всем сдавался, всех любил
В самом себе
Я всё побил

ОТТУДА - СЮДА

Я побывал там, откуда не возвращаются
А только ноги оттуда качаются
А только птицы над ними вращаются
Там только самое интересное начинается

Если познал этот адский страх,
Когда на кусочки рвёт тело и ах
Дух опрокидывается в преисподнюю
И трещины хлещут из-под исподнего

Если ты был взаправду убит
Не убит, а вынут и потом растерзан
Изнасилован и оставлен
Ранен и по кусочкам раздавлен

Если помыв от блевотины пол,
Пал ты в блевотину прямо
Рана расшита и солью в помол
Тела заброшен был яда обол

Если весь стыд по кусочкам собрать
Раздеть всё на свете и громко сказать
Смотрите – вот жалкий и голый еврей
Бейте его и насилуйте скорей...

Вот там я был,
Мёд-пиво пил
И ни на секунду тот мир не забыл
Он мне приходит ночными врачами
Он мне из глаз вынимает ключами
Скрежещет и тонет
И этот удел
Я терпел и ещё раз –
Терпел

**ПЕРЕСМОТРЕВ «ЗАСТАВУ ИЛЬИЧА»,
ВПЕРЕМЕШКУ С ЧТЕНИЕМ ДОНАЛЬДА ВИННИКОТТА**

Как отрешиться от того, что тебе уже 37
А ты до сих пор не созрел, не съел
Не выкупил, не вкурил, не достиг
И всё, что знаешь –
Знаешь из книг

Всё, конечно, не так печально,
У других другое отчаяние
У других хуже и жёстче бывает
Но твоё горе от этого не растает

Боязнь высоты, стыд лекарств
Обнажение, беспринципность, экстаз
Опыт тела, которое невесомо
И лишь краешком опыта –
Напиток сома

Кажется, знаешь ворох всего,
А на поверку – совсем ничего
Мусор газет, череда прошлогодних утех
У тех что было – не будет
И, кажется, так у всех

Соединился бы уже с кем-нибудь
С мамой, братом, с самим собой
И отвалится неприкаянность, Виктор Цой,
Сигареты, секс, деньги, по рублю скопив
Движешься в сторону зрелости,
Пóтом чутка окропив
Мизинец Мары какой
Или Венеры, или Христоса
Смехотворна попытка вытянуться,
Приложив к губе папиросу
Втянуться так, чтоб затык был выход
Из передрыг,
Из семейной обиды

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОРОК

Гнойный милее всех прочих историй
Он натуральный, из свёрнутой крови
Из тех слюней, что текли под шумок
Моего кассетника,
Когда был с ноготок

Я выделялся как мог,
И пена шипела у меня между ног
Я был при этом искренней зверя
И дрожала тварь, всегда мне веря

Я метал перед самим собой
И на плакате заплакал Цой,
Над моим словом, шипением полным
И бились свободной стихии волны

Я стоял и взывал: Приходи, судьба!
И слышал тот писк всяк сущий едва
Но мне было похер,
Потому мои вирши
Были правильной
Эстеблишмента крыши
Над нашей культуркой, которой комок
Пинает вдоль моря
Русский пророк

СТРАСТЬ ЛИ?

*Это требует страсти
Кьеркегор*

Когда читаешь Кьеркегора,
Такое чувство, что ты мудака
Не принявший кагора
Отдавший всё за так

Давно не греет боль литературы
Моей мускулатуры

А греет страх, что каждый вечер
Живот мой плющит, гнёт за плечи
В надпочечниках зарождаюсь,
Он бродит угольком, чуть жалясь
И бьёт наотмашь в шесть часов
Когда к нему уже готов

Зачем мне этот срам, что жизнью кто-то называет?
Во мне ни веры, ни греха, ни чувств
Под сердцем капелька дрожала, маясь
Но всё кончается, когда ночные петухи поют

Мне не по силам этот дар
Влачить земное пополам
С трухой несчастий и забот
Меня не радует и кот

Всё в пропасть бросить, только ей
Я уготован, обычный из людей
Не трус и не храбрец,
Не добрый, ни злодей

Проклясть, уйти во тьму – вот имя мне, желанье
И я приму за мысли эти
Любое наказание

НЕЧТО О НАРЦИССИЗМЕ, ЧИТАЯ «СТРАХ И ТРЕПЕТ»

Хотелось бы быть
Рыцарем веры
Чтобы космос
Алкать без меры
Чтобы в пучине порока и страсти
Сгореть ни за что
В центре ненастья

Но я всего лишь слугитель эстетики
Герой Аристотелевой «Поэтики»
Терапевтического искусства
Должник и буква

Я был знаком с одним ироником,
Который сущее видел ноликом
В своём уравнении мегаломаническом
Фашиствующим безмерно
В самолюбовании клиническом

Он был тоже героем эстетики,
Аристотелевой «Поэтики»,
Но мнил себя ангелом во плоти
Смазывал плоть слюной до кости,
В любви изничтожая всякое чувство к другому
О котором не думать было секретом новым
Царства его существа-вещества,
В котором главенствовал принцип
одного божества,
Которым был обычный истукан,
Болван золотой, который – он сам

Хотелось бы быть рыцарем веры,
Чтобы творить совершенство без меры,
Чтоб над всеобщим парить барашком
Сахарным, как сказал бы
Один прачкин сын вчерашний

Но я всего лишь герой себя,
Всего лишь долг и чувство во мне
скрестились, семена
К закату не быстро – не медленно,
как решено у людей
И на битву со мною прибыл скорее змей
Герой его поразит едва
Скорее умрёт, вложив в свой клюв
очередные слова
Слова, слова... – молчанию не до них
Да и в молчании пользы не видит читатель книг

Хотелось бы быть хотя бы чем-то,
Что может остаться жить во вселенной
После того, как взорвётся звезда,
Что этому миру светила всегда
Но это жалкое воодушевление
Не достойно величия того творения
Которое скрыто от того, кто не предал
Хоть единожды, а просто разведал
И ступил потом, подстелив соломки
Туда, где шкворчат шкваркогаром потомки,
Принимающиеся скрести
Культурный слой, чтоб дойти до кости

Бедный я, бедный – такой нарциссизм
Всё, что мне может впясть оптимизм

* * *

С. Х. Мне кажется, что ад – больница
Где с тараканами ведро помойное хранится
Где на кроватях в пролежнях и вате
Лежит больной в замызганном халате
И в мокрой от влажвоздуха постели
Он согревает нос свой еле-еле
И тапки жмут ему холодные ступни
Промозглые справляя дни

Мне кажется, что рай – когда всегда в руке
Тепло твоих носков с желтинкой
Мне кажется, что если налегке
Пришёл и скомкан в паутинке
Забот, тряпья, еды и кофе
Все элементы невзначай
Мне пришивает день другой, в котором тоже лето
Хоть это лето лишь воображенья след
Которое схватил поэт

Мне кажется, что рай – освобожденье
И в тело сильное проникновенье
Не дуновенье, не восторг,
Когда закончился в проводке ток
И всё обрушивается в гладь небес
Мне кажется, что рай – немножко бес
Немножко тела сохраняет он состав
И я опять хватаю твой рукав
И ты кладёшь свою короткострижку
На мои локти и ладонь под мышку

РАЙ

Рай – такое место,
Где каждому достанется
Немного жмыха от телес
И тесто в печку ставится

Имаго есть одно на свете
Вспорхнёшь, сбывая кудри эти
И пыль-пыльца с твоих седин
На радость поменяет сплин

Жмых хорош лишь для зануд
В рай трудяги попадут
В рай попасть – не хитро дело
Открывай ворота смело

Только в силу всяких плут
Те из этих попадут,
Кто ворчал не понапрасну,
Продлевая жизнь ужасну
И над кем имаго пело
Доставая до предела

Боль не лучшая затрава
Страх меняет пыль на жало
Стыд створаживает в ряд
Всех от мала до ребят

Рай такое значит место,
Где замешивают тесто
Для начинки из тебя
Кундалини чтоб змея
Целовала это место
Что на лбу любовник честный
Обозначил карандашом
Говорит змея: шалом

Я люблю и я любим
Нет закона и над ним
И под ним и под тобой
В рай захочешь – так постой
Ты сперва пойми чего-то
Проводи туды-заботы
Боль-печаль-тоску-подставу
Сделай жалом

Пыль летит из-под крыла
Мне светит во тьме звезда
Я вспорхнул и был таков
Прихватил твоих даров

Рай – в нас
Остри глаз!

* * *

Петербург – такая хрупкая, такая мелкая деталька
На краю у гибели сплошной
Мрак сибирских лагерей истроек,
Снега в хлопьях, облепивших полог
Той постели, где уснул покой

Если водки чуть пригубить, а потом зелёного чайку
Из Вьетнама, чтобы жирненький немного
То сейчас же начинаешь волноваться,
Попадая вроде как под шапку Бога,
В жар, в кромешный ужас Революции
И шестое ноября меняет час на семь
Вот она, пучина этой функции
Корневая закадычная Сибирь

Петербург – мизинец на попоне всех и вся
Всей чернухи, святости и боли
Его нет как будто. Лагеря
Отражаются в затоне
Робкой рискованной наледи стекла,
Трубкой в маленькой мансарде
Дым и как бы вечный запах января
Предсигарный и угарный

Где ты, город, теплишься ещё?
Сколько крепости в твоих расхристых мышцах?
Нам на осень эту чаю вот зелёного, бугристого
Из Вьетнама, куда кануло светло
Всё, что эти камни замело

С. Х. * * *

Когда погасла дня сурдинка
И распостёрлась немота
Её взрывает старая пластинка
Как бы впиваясь в дрожь,
На стороне винта

Мне поперёк покоя и луны
Твои глаза чуть голубые
Видны и не видны

Воображение – хорошее кино
Оно нам снами выправляет чудо
И всё, что видно и чудно
Преображает,
Говорит: я буду!

Хочу глаза и губы у огня
Хочу объятий ток считать законом
Чтоб в стужу будущего января
Читать по буквам, по слогам
Вот эту тонну

Я, кажется, не псих и не поэт,
Не мальчик, лет которому все десять
Я просто жажду свет
И этот мир, что Ты сумел подвесить

И я прошу:
Вот в эту мглу и дождь

Придёшь и примешь, расписав расчёты
Не прекращай движенье звёзд
Они сегодня медоточат
Они спускают на ночных канатах
Мне в сердце торжество
Средь новогодней ваты я хочу её увидеть
И с нею жить грешно

Прости, если соврал, болтун и льстец, увы
Но дай соприкоснуться с властью этой
И цинковым ведром
Коснуться глубины

Прошу у ветра, у того, кто за окном
Колеблет лист один на ветке ноября
Тебя не холодить гниющим ртом
И в сердце не пускать
Той тли холодные струи
И ни уныния не приносить,
Ни плакаться, скорбя

Не то, чтобы я верил в вечную весну,
Веснушчатую кожу выставившую на свет
И благость, не пристаю уму
И сладость, что таит
Обвёрнутый скелет

Я просто на краю зимы
На краешке того, что было днём
Хочу сберечь крупинку доброты,
Которая потом запляшет
Огнём вечерним, ровным, как полёт
Я просто в нём, и вот

Вот так, без напряженья жил, а просто и грешно
Хочу, чтоб за моим плечом,
Пока я бреюсь, торжество
Стояло и бросало взгляд
На остов мой и непарад

И чтоб всегда, когда на дно
Большой и вечной ночи
Уходит тёмное пятно
Речной воды и отчеств
Там, Фета шепчет поутру
Моё нутро кривое
И прободает немоту
Словечко дорогое

С. Х. * * *

Когда ты спишь и тишина
И звук из кухни тонкий
Едва-едва собрать в слова
Готов я остов колкий

Ты не свернулась в калачок,
Не протянула руку
А только полуночный чок
Чеканит с кухни звуки

Я зверем прокрадусь к тебе
И как волчок несмелый
Коснусь тихонько головы
Волос травы помелой

Коснусь кувшинки уха, губ,
Немного талий веток
И мой кувшин проложит грунт
В кручину рек, где мелок

Песок и беленький носок
Коснётся полосы
Где осы выпивают сок
Ушей и головы

Вся анатомия милей
Мне слов и в небе журавлей
И неба, и потоков
Я прикасаюсь к самой той
Что жжёт меня высоко

И лью, и пью, и голос дам
И что-нибудь вдогонку,
Пока по золотым стволам
Снуют дрозды так звонко

Всё в этой камерной тиши
Благотворит рассудок
И новой, неземной луны
Уж рог торчит в погудок

Я пью и не могу стремглав
Ту жажду разорвать,
Что мне печёт родную пасть,
К чему мне припадать

Здесь тёплый плещется ручей
Ничей и мой, волшебный
И головы трещит уже
Мой улей пухлый, нежный

«Дай бусю,» – говорю я в лад
И прогибаюсь к мёду
А ветви клонят свой наряд
На милую свободу

На корешке из прелых зим
Я запишу: я ей любим –
И всё, того от века
Хотели те же бурлаки
В обниме человека

Милая бьётся и тонет и бьётся
Что-то тревожит, что-то не может
Воздуха много для лёгких, но может
Рыбке воды надо море из ложек

Милая спит, не теряя окраса
Мясо дрожит под шерстинкой чешуек
Где серебро, там прохлада матраса
Сон распадается в тысячи струек

Сон разрывается, ниже надежды,
Выше сознания, он не безбрежный,
Он тоже не может без головокружения,
Жжения в теле и в сердце нежном

Милая бьётся, милая рвётся –
Вниз, на песчаное брюхо ночи
И что-нибудь точно перевернётся,
Там, где пролежни,
Темнее прочих

Что же здесь можно ответить надежде
Что же тут шатко, что же из ваты?
Или опять призывать вдохновенье,
Чтобы язЫки ворчали богато

Слово что рыбка, бьётся тревожно
Вся его сила – лишь несколько перьев
Здесь серебрятся, от тела столь тонкого
Оторвались и к ладони приклеились

Звеньев ни этих, ни тех не хватает
Бьётся предсердие, бьётся желудок
Лишь на растения я уповаю
Медленный их и дремучий рассудок

Посуды немой стигматами точат
И «колка» внутри баламут
Здесь было гнездо у двух уток любимых
Здесь косточки их пропоют

На свечек четыре огонь как подснежник
И гаечка нежности той
Немного безбрежных и ласковых перьев
Срывает и темень порой

Здесь всё у любимых свершается прежде
И загодя будет и впредь
Как будто на время как ветошь на вертел
От слова латинского вертум, то есть
Вертеть

Я в горе, которое точит мой разум
Во сне притворяясь моим
Макаю бумагу и «колки» чуть газом
Дышу над стишочком моим

Как преподобить вот эту посуду,
Что глаз на стигматы скорей
Смахнуть позолоту и буду и всюду
Я петь и мыть только для ней

Вот и полночь далека
Как твоя бежит рука
Трепет целый всех планет
В это тело переодет

Что же горе точит срок?
Что же хворь и мыслей ток?
Почему дрожит и бьётся
Всё, что психикой зовётся?

Две души как два овражка
Бродит чувство, это бражка
Выкипает молоко
И крадётся далеко

Почему, почему
Я топлю опять Му-му?
Неуклюжесть этих строк
Мне приятель и зарок

Логово ложбинки любой
Мне – отверженные губы
Всё нескладно, есть когда
Чувство, древняя вода

Всё течёт и бьётся, льётся
Горем счастье отзовется
И обида на руке
Как у Мойры на клубке

Я хочу, чтоб было лето
Нашим боком чуть согрето
Чтобы в травке невзначай
Пить и скармливать на чай

Но пока земля без поля
Горькая юлится доля
Всё как в мрак погружено
И таится не смешно

ПАМЯТИ БАБУШКИ

А в городе Гродно орешник цветёт
Тогда, когда детство вслепую сплывает
По речке, где камушек каждый к земле
Уже не прижался, в руке уж уже

Там, в городе веток и слив и реки
Где взмахи руками неглубоки
Где ноги что треть от того столбняка
В котором высот не достичь и слегка
Что выгибает и мчится не там
Не тем и не малым под речкой камням

Я здесь хочу быть
По весне, где орешник
И каждого раза взрывает сердечник
На улице Соломовой 90
Где было как солнце
Не взвеситься просто
В той будке приёма бумаг и металла
Здесь вешенка милая сердце украла
И врезалась в почку Невы, где гранит
И холод стирает подушки ланит
Где ветер, и вечер, и снег на дворе
Сейчас, в неизвестном и, кажется, злом декабре

*17 декабря 2017,
поезд Брест-СПб*

С. Х. * * *

Вдали, где ниточка бежит,
Разворотило грудь
И капает как изнутри
На голову чуть-чуть

И побелели снегири
И в руки падают они
Их горькие слова
И до зари мне не уснуть
С любимой рядом не вздохнуть
И я дрожу едва

Как хорошо, когда в глазок
Ты видишь, что не одинок
И руку жмёшь, и льнёшь к огню
Как хорошо, когда не ты
Сидишь один опять

Я горе зачерпну едва
Чуть-чуть разбавлю молока
Чуть-чуть на камень упаду
И запишу с руки
Как тонки линии огня
И далека его струя
И нитка-позвонок не впрок
И горизонт стоит

Люблю – я прошепчу тебе
И слово соскользнёт с губы
И на губе оставит след
Как ландыш дорогой

А будет ли покой?

* * *

Когда опрокинет как в чан с кипятком
Обвар гарантирован если
Мой ум и тельца все ходЯт ходуном
И пульс видно очень за двести

Когда на игле, где и места-то нет
Все чувства уселись и кажут привет
И грамм как мильон точек в точке
Тогда на газет клевету и портрет
Не хочется больше звоночком глядеть
А хочется вскрыть многоточье

И расписать, как горят зеркала
В доме утопленника,
Как слеза
Дрожь выжимает и мажет
Золой, что скрутилась в забытом углу
И хвост поджимает зрачок-кенгуру
И всё на скромнющенькой площадке

Вот бы взорвать этот старый нарыв
И всё претворив, всё отчаянно вскрыв,
Размазать углём по подложке

Так я сижу и не дую на пол,
Где рана растёт от болящих тенён
Где высмаркался смокодав

Я сам засучу и вкромсаю во тьму,
Своё дорогое тельцо-кенгуру
И будет мне праздник и вечер

Лишь сажа ложится на плечи

С. Х. **НОВОГОДНЕЕ**

Такая ночь, что не сказать
А плакать до утра
Тара-ра-ра кричит мой плачь
И гонит со двора

В такую ночь, в такую дождь
Когда земля кругом
Как драгоценная постель
И я в ней под хмельком

Я приглашаю прикурить
Одну звезду-подругу
И гуд её, когда висит
Я пить и славить буду

В такую ночь, когда огни
И слякоть, и трудень
Мне все родные фонари
И липнет к голове сатин
Иль шерсть бежит по ней

Вся кутерьма родных полос
И ветерка родного
Я словно уголёк занёс
На край двора хромого

И Петроград, и гость, и стол
И душевный разговор
Как будто под гармошку
И на открытке как укор
Пошлячка люда кошка

Но я люблю здесь каждый хлам
И мозг кричит пара-ра-рам
Под утро и взаправду
Я сохраню свой ум как срам
И в сердце спрячу правду

А правда в том, что этот год
Принёс такие вести
Что тыщ пятьсот непроворот
Звёзд встретились вместе

Но лишь молчок, не дуй, не плюй
И лишь цветок в груди рисуй
И нежно приголубь
То чувство, что закралось в год
Прошедший в сон и грудь

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Житенёв. «И хвост поднимает зрачок-кенгуру»</i>	4
<i>Алексей Порвин. «Насекомое малое нежности»</i>	9
«Я маленький...».....	12
«Над могилкой Некрасова...».....	13
«А если дрожит...».....	14
На Пасху 2017.....	15
«Как тревожно, как ужасно...».....	16
«Зло берёт за горло...».....	18
«Не выжжены чувства...».....	19
«И пустота рассасывает сердце...».....	20
Памяти двух-трёх поэтов.....	21
Памяти чувства.....	23
Баллада.....	25
Роясь в старых стихах.....	27
Два мэтра разного сантиметра.....	28
Утро.....	30
О правильном стихотворении.....	31
Зона.....	32
По дороге на «Южное».....	33
Читая Гейне.....	35
Страх.....	37
«Шесть утра и серый потолок...».....	38
Пересмотрев «Летят журавли».....	40
Язык.....	41
Лариса.....	42
Книги.....	44
Праздник корюшки.....	45
Стихи человека, который молится в душе.....	47
Мечта жизнефоба.....	48
Человек и его кот.....	49
Тело и голова.....	50
Место преступления.....	51
«Какая-то спокойная могила...».....	52
«Когда болит не у тебя...».....	54
«Вот группа «Вещи!» заседает...».....	56
Халтура.....	57
По печальным делам.....	58
Вердикт.....	59
«Вот говорят, что нет страшнее смерти...».....	61
Графоман, бабушка и Басё (он же Некрасов).....	62

Спор с другом о существовании классового состояния.....	64
Премудрая песня.....	66
«Уйти к поморам, в монастырь...».....	68
Ода органону.....	69
«Когда отвергнут некой леди...».....	70
«В стихе как в житнице...».....	71
Вечер с кинематографистом Наташей Калашниковой, проведённый в беседе за чашкой кофе.....	72
«Не хочу обнажаться...».....	74
Комару.....	75
«Я так со временем один...».....	76
Случай в русской литературе.....	77
«Я закрываю ставни окон...».....	79
«Меня насильовала жизнь...».....	80
Жалоба.....	82
Заметки ретрограда.....	84
«И болен ствол, когда в нём заперта смола...».....	85
Две судьбы.....	86
«Цыганка меня сглазила, что бабушек не будет...».....	88
Плач девицы о горькой судьбе.....	89
После чтения.....	90
Оттуда – сюда.....	91
Пересмотрев «Заставу Ильича», вперемешку с чтением Дональда Винникотта.....	92
Современный пророк.....	93
Страсть ли?.....	94
Нечто о нарциссизме, читая «Страх и трепет».....	95
«Мне кажется, что ад – больница...».....	97
Рай.....	98
«Петербург – такая хрупкая, такая мелкая деталька...».....	100
«Когда погасла дня сурдинка...».....	101
«Прошу у ветра, у того, кто за окном...».....	103
«Когда ты спишь и тишина...».....	104
«Милая бьётся и тонет и бьётся...».....	106
«Посуды немойтой стигматами точат...».....	107
«Вот и полночь далека...».....	108
Памяти бабушки.....	109
«Вдали, где ниточка бежит...».....	110
«Когда опрокинет как в чан с кипятком...».....	111
Новогоднее.....	112